

УДК 340.125

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-194-198

Эволюция праксеологических учений в российской юридической науке**Рязанова М.Н.**

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

Ларионова Н.Б.

Старший преподаватель кафедры общегуманитарных дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

В статье с позиции праксеологического методологического подхода сопоставлены общие и специальные направления данного научного течения в российском правоведении. Авторы акцентировали внимание на проекции достижений представителей социологической школы права в отношении теоретико-правовых направлений оценки т.н. «праксеологического эффекта» в механизмах правового регулирования. В результате в статье сформулирован вывод о фрагментарности использования данного методологического приёма, который получил распространение лишь в отраслевых направлениях с целью оценки тенденций возникновения и трансформации правовых результатов. Определяющими методами научного исследования стали формально-логический и аналитический методы, а также отдельные частнонаучные методы (правовая праксеология, юридический инструментализм). В своей совокупности они позволили оценить тенденции развития российской юридической науки в плоскости проведения праксеологических исследований. Авторы выдвигают в качестве основного вывода тот факт, что российские правоведы предпринимают попытки совмещать философские наработки в области праксеологии с исключительно прагматическими научными теориями, построенными на социологическом восприятии права.

Ключевые слова: философия права, праксеология, правоприменительная практика, правовое регулирование, теория права, правовая политика, правоотношения

Для цитирования: Рязанова М.Н., Ларионова Н.Б. Эволюция праксеологических учений в российской юридической науке // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 194–198. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-2-194-198.

Концепция правовой праксеологии представляется многими исследователями сравнительно новым направлением в юридической науке в силу активного использования её ключевых методологических приёмов лишь в постсоветский период и

по причине слабой развитости в актуальных научных направлениях правоведения. Между тем в зарубежных публикациях по правовой проблематике праксеологические элементы прошли длительную эволюцию, зародившись в русле социологической

школы права и пройдя своеобразный теоретический фильтр в доктринах правового прагматизма и юридического инструментализма.

Общей тенденцией среди российских и зарубежных авторов, базирующих свои научные изыскания на праксеологическом подходе, является акцент на сугубо отраслевой характер анализируемой проблематики. Так, основной вектор в таких исследованиях смещён на установление эффективности правоприменительной практики, которая, в свою очередь, предопределяет трансформацию норм права в пределах отраслевого законодательства [1; 2]. Собственно, эти процессы именуются праксеологическим эффектом (от греческого «праксис» – практика), а сама правовая праксеология стала восприниматься в российской юридической науке в двух концептуальных значениях:

1) в рамках философско-правового течения, сторонники которого проводят осмысление практической деятельности в определённых юридических рамках, в том числе посредством образования новых правовых институтов [3, с. 6; 4, с. 21];

2) в пределах теоретико-правового понимания, основанного на взаимном влиянии социальных регуляторов и практической деятельности, что позволяет выделять такие категории, как «правовая реальность», «правовая действительность» и «эффективность правового регулирования» [5, с. 42; 6, с. 59].

Однако второе направление на протяжении последних десятилетий сформировалось под влиянием отраслевых правовых особенностей, что спровоцировало противоречивое использование праксеологических средств и привело к рассогласованным подходам.

В частности, по мнению одних учёных, любое правовое воздействие необходимо оценивать в плоскости практического влияния на определённые общественные отношения, что предполагает доминирование процессуальной трактовки праксеологического эффекта, т.е. право воспринимается в качестве разновидности человеческой деятельности, состоящей из заданной последовательности действий [7; 8]. В таком ракурсе праксеологическое учение противопоставляется нормативистской концепции, ведь значение имеют не формальные механизмы правовой регуляции, а исключительно их практическое воплощение, что закладывается в термин «правовой результат». Следовательно, сопоставление результативности и целеполагания правового регулирования позволяет выявить комплекс праксеологических эффектов, оказываемых совокупным поведением непосредственных участников правоотношений [9, с. 18].

Вместе с тем отмеченное понимание праксеологии во многом совпадает с антропологическим подходом в праве, согласно которому любое воздей-

ствие человека на социальные регуляторы приводит либо к их институционализации, либо к формализации [10; 11]. При этом категория интереса, заложенного в структуру подобного влияния на развитие правового материала, различается в праксеологическом и антропологическом смыслах:

1) в первом теоретическом подходе право становится усреднённым результатом, сформированным человеческой практикой, т.е. рационализированной нормой, что обнажает потребность в установлении публичных интересов, доминирующих над частными [12, с. 20];

2) во втором подходе право всецело поставлено в зависимость от человеческой активности, которая, в свою очередь, далеко не всегда имеет широкое распространение, т.е. норма, образовавшаяся вследствие такого влияния, может быть продиктована частными интересами, которые даже в своей совокупности всё равно не становятся публичными [13; 14].

Таким образом, расхождения между антропологическим и праксеологическим подходами в российской юридической науке представлены в минимальном объёме, что способствует теоретическому обоснованию монополизации государством тех правовых средств, которые позволяют повсеместно воплотить нормативные предписания среди большого числа людей. Вместе с тем постановка целей в указанном механизме правового регулирования и их достижимость в правовой реальности являются объектами другого праксеологического направления, сторонники которого базируются на оценке не только регулирующего эффекта норм права, но и на их восприятии непосредственными участниками правоотношений [15; 16].

Так, по представлению одних исследователей формирование любого правового результата (положительного или отрицательного) необходимо анализировать в тесной связи между правовыми средствами, правовыми механизмами, правосознанием и образующимся праксеологическим эффектом [17, с. 14]. Подобным образом, например, учёные выявляют критерии применимости норм права в тех или иных сферах общественной жизни, а также оценивают «живое» и «мёртвое» право в плоскости сужения либо расширения т.н. «праксеологического поля», отождествляемого с предметом регулирования [18].

Исходя из этого, внешние факторы человеческой деятельности, облечённой в форму определённых правоотношений, не имеют главенствующего характера, в то время как «праксеологическое поле» является системным условием совершения правовых действий [19, с. 88; 20, с. 56]. В российской юридической науке традиционно используется термин «правовая действительность», обладающий преимущественно социологическим понятийным содержанием, поскольку демонстрирует соотношение нормативно-правовых и фактических обстоя-

тельств, сопровождающих развитие общественных отношений [21].

Если акцентировать внимание лишь на позитивных достижениях правового регулирования, реализованного как нормативно-правовыми, так и индивидуально-правовыми средствами, то праксеологический подход сужается до научного обоснования политико-правового проектирования определённых правоотношений и направлен на предупредительную оценку потенциальных дефектов правового воздействия на них. Отсюда принято выделять [22; 23]:

- дефекты целей правового регулирования, реализованных в точном соответствии с нормативными предписаниями;

- дефекты правовых результатов, полученных при деформации механизмов правоприменения;

- дефекты правовых средств, неверно использованных при конструировании нормативного материала (с выделением пробелов в праве, юридических коллизий, аномии и диссиметрии права и др.).

Помимо разграничений внутри праксеологического подхода по отмеченным критериям, в российской юридической науке не сложилось однозначного восприятия индикаторов достижения целей правового регулирования в их сопоставлении с фактическим правовым результатом. Как правило, доминирующим показателем выступают социально-экономические эффекты, оказываемый правовыми нормами [24, с. 219]. Такой подход показал свою малую состоятельность в связи с необходимостью установления динамики самих отношений, подвергнутых правовой регуляции, а также с потребностью выявления закономерностей в изменении механизмов реализации права под влиянием фактических обстоятельств или под воздействием частных и публичных интересов.

Кроме того, праксеологический эффект должен вытекать из институционализации самих правоотношений, что неизбежно требует обретения новых форм повторяющегося поведения. В силу такого восприятия правовая формализация изменившихся общественных отношений базируется не только на практическом влиянии человеческой деятельности, но и на наличии правотворческой воли, т.е. достижения баланса между участниками правоотношений, правовыми средствами регуляции и субъектами правотворческих процессов с одновременным выстраиванием соответствующих механизмов правореализации.

Вместе с тем традицией российской правовой праксеологии стала оценка человеческого влияния на формирование и трансформацию правоприменительной практики, что обнажает проблематику толкования законодательных норм, поиска смыслов для юридических абстракций, пределов

понимания принципов и гарантий, которые в своей совокупности обеспечивают достижение проектируемого правопорядка. Поэтому в праксеологическом значении принято сопоставлять общественный порядок, представляющий собой комплекс фактически институционализированных общественных отношений в некой сфере, с желаемым (идеальным) объектом (состоянием) таких правоотношений. Выявленные между названными категориями различия, детерминированные деятельной активностью людей, являются предметом праксеологических исследований, направленных на установление взаимосвязь практического эффекта от действия норм права, от применения индивидуально-правовых средств и способов саморегуляции.

Таким образом, праксеологический подход в российской юридической науке остаётся фрагментарно используемым методологическим приёмом в отраслевых направлениях с целью оценки тенденций возникновения и трансформации правовых результатов. Как правило, в данных научных исследованиях уделяется мало внимания человеческой мотивации, что смешивает их с юридикко-антропологическим подходом. Вместе с тем особое значение в них придаётся средствам и способам достижения результата в определённом виде общественных отношений с учётом логического обоснования причинно-следственных связей.

Поэтому российские правоведы предпринимают попытки совмещать философские наработки в области праксеологии с исключительно прагматическими научными теориями, построенными на социологическом восприятии права. Во многом это объясняется доминированием инструментальной правовой теории и концепции юридического прагматизма, сводящих механизмы правового регулирования к преимущественно утилитарным задачам. Последние выступают средствами правовой политики, проводимой государством и обществом, что требует выделения стройных логических цепочек, которые нормативно-правовым образом не только проектируют определённые общественные отношения, но и задают рамки формирующегося специального правопорядка, как качественного результата правового воздействия на ту или иную сферу общественной жизни.

Литература:

1. Sima J. Praxeology as Law & Economics // Journal of Libertarian Studies. 2004. Vol. 18. P. 73–90.
2. Sechrest L.J. Praxeology, economics, and law: Issues and implications // The Quarterly Journal of Austrian Economics. 2004. № 4. P. 19–40.
3. Баранов В.М., Денисов С.А. Об интегративности идеи в философии права // Философия права. 2001. № 2 (4). С. 5–8.
4. Лысов С.И. Проблема соотношения должного и сущего в контексте современной российской философии государства и права // Вестник Тюменского государственного университета. 2005. № 2. С. 18–26.
5. Ореховский А.И. Основания ответственности: методологический и праксиологический аспекты. Новосибирск: Сиб. гос. ун-т телекоммуникаций и информатики, 2003. 71 с.
6. Мушинский М.А. Структурно-функциональная и юридико-праксиологическая характеристика законодательства о несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. 2016. № 4 (75). С. 58–67.
7. Ирхин И.В. Праксиологическое измерение института народного представительства: конституционно-правовой аспект // Достижение социальной гармонии на рынке труда в современных условиях: Российский и международный опыт. Коллективная монография / Под ред. В.В. Момотова. Краснодар: Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2010. С. 5–11.
8. Землин А.И., Землина О.М. Правовая природа общественных отношений, возникающих в связи с осуществлением государственных закупок, и праксиологических последствиях их эвентуализации и дифференции // Некоммерческие организации в России. 2017. № 6. С. 60–68.
9. Кузьмин И.А. Доктринальные и праксеологические основы понимания общетеоретической категории «правовой механизм» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 16–20.
10. Борисов А.М. Юридическая антропология: отправные теоретические начала // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 2 (7). С. 82–90.
11. Медушевская Н.Ф. Методологические принципы юридической антропологии // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 101–104.
12. Сапун В.А., Шундилов К.В. Инструментальная теория права и человеческая деятельность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 14–32.
13. Романовская О.В. Саморегулирование и сорегулирование как формы дерегулирования в российском праве // Гражданин и право. 2017. № 11. С. 3–15.
14. Лескова Ю.Г. Саморегулирование как проявление метода частного права // Гражданское право. 2010. № 4. С. 8–11.
15. Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования: дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 206 с.
16. Оносов Ю.В. Диалектика соотношения социальной и юридической эффективности регулирования: дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 255 с.
17. Осипов М.Ю. Понятие и особенности целей и способов правового регулирования // Современное право. 2008. № 11. С. 14–17.
18. Дробышевский С.А., Тихонравов Е.Ю. Ограничительное толкование правовых норм и создание умышленно «мертвых» юридических правил как способы неприменения действующего права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 6. С. 24–34.
19. Киреев Е.Ю., Мазаев Ю.Н. Праксеология как метод социологического исследования // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 2 (127). С. 86–93.
20. Корнев Г.П. Идеонормативная концепция истины. Философия и правоприменение. М.: Акад. проект, 2006. 350 с.
21. Гаврилова Ю.А. Конкретизация смысла права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2010. № 1 (12). С. 24–27.
22. Байгутлин Р.И. К вопросу об эффективности правового регулирования (опыт аксиологического подхода к проблеме) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 31 (132). С. 5–14.
23. Севостьянов А.А. Средства достижения целей в сфере правового регулирования // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 1. С. 180–183.
24. Варламова Н.В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1 (282). С. 212–232.

Evolution of Praxeological Doctrines in Russian Legal Science

Ryazanova M.N., Larionova N.B.

Kazan branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

In article, from the position of the praxeological methodological approach, the author compared the general and special directions of this scientific trend in Russian jurisprudence. The author focused on the achievements of representatives of the sociological school of law on the issues of the "praxeological effect" in the order of legal regulation. As a result, the article formulates a conclusion about the fragmentary nature of the use of this methodological technique in Russia. It has become widespread only in industry studies in order to assess the trends in the emergence and transformation of legal results. The defining methods of scientific research were the formal-logical and analytical methods. The author also relied on individual private scientific methods (legal praxeology, legal instrumentalism). Together, they allowed us to assess the trends in the development of Russian legal science in the plane of conducting praxeological research. The author puts forward as the main conclusion the fact that Russian legal scholars are attempting to combine philosophical developments in the field of praxeology with exclusively pragmatic scientific theories built on a sociological perception of law.

Key words: philosophy of law, praxeology, law enforcement practice, legal regulation, theory of law, legal policy, legal relations

